

Собираясь на это интервью, я спросила нескольких человек: как вы относитесь к Муслиму Магомаеву?

И услышала в ответ:

— Жаль, что разменял себя на эстраду, а ведь интересно же начинать как оперный певец...

— На эстраде он — явление. А в опере...

— А по-моему, — сказал третий, — в эстраду он пришел уже сформировавшимся певцом и, пожалуй, остался таким.

Сколько споров и разговоров ведется вокруг Муслима Магомаева! Но вне сомнения одно — трудно назвать среди молодых имя столь же популярное, как его. И вот об этом мой первый вопрос:

— Как вы относитесь к своей популярности?

— Было бы неискренне не признаться в том, что приятно, когда тебя любят, преподносят цветы, шлют письма... Но в то же время не покидает грустная мысль: вдруг все это кончится, и когда-нибудь придется выйти на сцену при полупустом зале! Это мысль «пессимист». Но мысль «оптимист» подсказывает: все зависит от тебя. Главное — не отставать от жизни, находить новое в творчестве.

Но есть и не очень приятная сторона популярности. Невозможно быть незамеченным. Невозможно, допустим, зайти в обувной магазин и примерить себе пару туфель, чтобы на тебя не глазели и чуть ли не показывали пальцем. Невозможно запросто посидеть с друзьями в «предприятной общепит» — обязательно попросят спеть. И попробуй отказаться! Скажут: знала-ся! А слухи, а невероятные «легенды», которыми буквально оплетены актерские имена...

— Есть и еще одна «минусовая» сторона у популярности. Не заставляет ли зрительское обожание «плыть по инерции», эксплуатировать наработанный?

— С годами становясь придирчивее к своей работе и из массы предлагаемых композиторами песен выбираешь лучшую. Из своей фонотеки, которая составляет более двухсот произведений, назвал бы несколько песен, которые можно было не петь. Но случается, из хорошего отношения к композитору иной раз смалодушничавешь, а потом жалеешь.

— Что вы считаете главным в песне?

— Слияние хорошей музыки и хорошего текста. Мой любимый поэт Роберт Рождественский — у него такие стихи, что, кажется, он сам в душе сочинил к ним музыку. Особенно вливаются его слова в музыку Арно Бабаджаняна. Это отличное, редкое содружество.

— Чем вам привлекательно творчество Бабаджаняна?

— Все его песни идут в ногу со временем. Он не боится вводить современные ритмы, оставаясь верным национальной основе и красивой мелодии. Жизнь идет вперед — ритмы быстро стареют. Оттого многие песни сегодня кажутся старомодными. Наверное, вы помните, какой успех сопутствовал песне «Не спешите». И сейчас, спустя 9—10 лет нельзя слушать ее без волнения. Она как тот портрет, на котором «ты» и уже не «ты», за время, прошедшее с «от» и «до», многое изменилось. Но все равно он тебе дорог, тот «портрет», та песня — кусочек твоей жизни. Новая песня на стихи Рождественского «Благодарю тебя» по своей структуре более сегодняшняя, в ней даже слышны элементы «биг бита», но в ней есть нотка Арно Бабаджаняна — есть его почерк, и в то же время как она драматична и мелодична!

— Вы уже несколько раз говорите о мелодии, мелодичности. В таком случае, что вы цените прежде всего у исполнителя? Голос!

— Свой стиль. Есть у нас хорошие певцы, которых можно всегда узнать по «почерку», — Эдита Пьеха, Иосиф Кобзон, Юрий Гуляев. Есть певцы с приятными голосами, но не нашедшие себя, подражающие Эдуарду Хилу или Владимиру Трошину.

Недавно во Франции состоялся фестиваль эстрадной музыки. Было очень приятно, что «на ура» у зрителей проходили певцы с прекрасной манерой пения, исполнявшие красивые песни, а не так давно «царствовавшие» подражатели известному ансамблю «Битлз» и певцы, именуемые «крикунами», провалились. Лично мне очень нравятся «битлы» с их типично национальной основой, но подражать им — все равно, что «снять шубу с чужого плеча».

— Исходя из того, что сказано вами, можно представить, как вы относитесь к микрофонному пению?

— Есть такие песни, в которых просто не требуется голос, где он даже мешает. Сколько лет «крутится, вертится шар голубой» ассоциируется только с Борисом Чирковым, а песни, напетью Марком Бернесом, невозможно слушать в другом исполнении. Конечно, нельзя не признавать, что для пения без голоса нужно обладать большой выразительностью, музыкальностью, в то время как и красивым голосом иногда можно прикрыть пустую душу.

— Как вы строите свой день, проводите время?

— Не могу похвалиться универсализмом. В основном занимаюсь только музыкой. Как и все люди, в свободные часы читаю. Люблю плавать. Летом —

море, зимой — бассейн. Иногда рисую, леплю, но редко: времени не хватает. Недавно начал лепить скульптуру Бетховена, да так и оставил пока незавершенной. Как каждый кавказский человек, люблю готовить обеды. Иногда хвалят. В основном же провожу время у рояля и магнитофона. Записываюсь — слушаю.

— А дальше?

— Может, это нескромно! Но снова записываюсь и слушаю. И так, наверное, будет всю жизнь.

— Ваши увлечения — опера, эстрада, композиция — не означают ли, что не определились постоянные привязанности?

— Не собираюсь бросать ни то, ни другое, ни третье. Это хоть и трудно, но вполне совместимо. Когда предстоит серьезные классические концерты и записи, на несколько месяцев отключаюсь от эстрады. И наоборот.

Но иногда делаю попытку совмещения. Скажем, первое отделение в сольном концерте классическое, второе — песни советских и зарубежных авторов. Возможно, некоторым ярким поклонникам классики такое не по душе. Но, мне представляется, кошмара в этом нет. Для меня здесь в служении «двум богам» всегда были примерами из зарубежных певцов Марио Ланца и советский певец Георг Отс — в их исполнении можно услышать и арии, и романсы, и современную эстраду.

— Ваши музыкальные привязанности!

— Я поклонник старинной музыки — Генделя, Баха. Очень люблю Моцарта, Бетховена. Ну и, конечно, оперу — правда, до Пуччини включительно. Современных композиторов люблю в симфонической музыке и балетной.

Люблю старую песню. Но могу без волнения слушать песни военных лет. Часто думаю: почему в голодные, холодные годы могло родиться такое, что идет к нам через толщу времени, заставляет думать о войне даже тех, кто не помнит ее, не знает? Почему те песни «забегали» вперед? И еще думаешь, как ни печально это, но, видимо, порой сытость порождает и леность ума, и пустоту души. И если уж сегодня не хватает хорошей гражданской песни, почему бы не воспользоваться испытанной, старой, осветив ее современной аранжировкой?

— Ваши друзья имеют отношение к музыке?

— У меня много друзей из мира искусства. Но дружить музыканту только с музыкантом, наверное, было бы скучно.

— Как вы относитесь к критике?

— Не скрою, критика иногда доставляет огорчение. Но вместе с тем именно на ней невольно заостряешь внимание. Compliments всегда приятны, но несколько обыденны. К критике же прислушиваешься. Правда, сколько людей — столько мнений. И если учесть все пожелания, можно оказаться в очень нелепом виде.

— Половина моей почты от молодежи — учащихся, студентов. Приходят письма, написанные детским почерком о «дяде Муслиму». Бывают и от покинутых людей — участников войны. Очень много теплых, сердечных писем получил я от них после исполнения песни, посвященной моему отцу, — «Последний аккорд». Некоторые рассказывали, что служили во время войны в одной роте с Магометом, и спрашивали, не мой ли это отец...

— Кто ваш самый строгий судья и помощник?

— Мой дядя (он заменил мне отца). Зал может бушевать, а он будет разбирать тебя по косточкам — это не так и то. Часто спорим, но в хорошем смысле этого слова: то он меня убеждает, а в чем-то, может быть, я его, но почему-то всегда в конце концов бывает прав он. И все же сам исполнитель прежде всего должен быть самым строгим судьей.

— О чем ваши мечты, чему посвящены планы?

— Придется много работать над новой камерной программой. Хотел бы поставить в опере «Дон Жуан» Моцарта и спеть в главной партии. Хотелось бы сделать это на базе камерного оркестра, камерного хора и хороших молодых исполнителей. Оперу, с которой можно было бы гастролировать по городам страны. Это очень сложно, не столько даже творчески, сколько организационно.

— А вы сами часто бываете в театрах, на концертах?

— К сожалению, совпадают часы работы. А иногда случается и так: что-то интересно в театрах Москвы, а ты занят в Баку, и наоборот.

— Не возникает ли у вас иногда такое желание — начать все сначала?

— Мне 29 лет, — если отбросить время, прожитое в искусстве, на сцене, пришлось бы расстаться с десятилетиями. Мне кажется, жалеть о чем-то еще рано. Единственная моя мечта — петь и петь. Петь лучше, чем сейчас.

— Мне 29 лет, — если отбросить время, прожитое в искусстве, на сцене, пришлось бы расстаться с десятилетиями. Мне кажется, жалеть о чем-то еще рано. Единственная моя мечта — петь и петь. Петь лучше, чем сейчас.

Интервью вел А. КУРЖИЯМСКАЯ.

Мы воспроизводим здесь автопортрет Муслима Магомаева, сделанный по просьбе редакции.

